

ЯЗЫК. ПОЗНАНИЕ. КУЛЬТУРА

Л.И. Богданова

ОЦЕНКИ И ЦЕННОСТИ В СТРУКТУРЕ ГЛАГОЛОВ ‘СТЫДА’¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья продолжает серию публикаций, посвященных «активной» грамматике русского языка. Грамматика «активного» типа, включенная в социокультурный контекст, создает возможность для выявления и описания закономерностей выбора тех или иных форм актантов в зависимости от значения, которое стремится выразить говорящий (пишущий) субъект. Изучение синтагматического поведения глаголов проводится от значения глагола к способам оформления актантных позиций. Данная работа посвящена выявлению роли оценочного компонента значения глаголов с общим значением ‘стыд’ в реализации их синтагматических свойств в рамках актантной структуры. Цель статьи — показать, как отрицательная оценка субъектом своих поступков влияет на способ обозначения глагольных актантов. Анализ актантной структуры глаголов ‘стыда’ показал, что негативная самооценка требует особой расстановки актантов, один из которых является объектом оценивания, а второй — обозначает свидетеля, реального или потенциального очевидца неприятного для субъекта события. Способ оформления этих позиций зависит от значения глагола, от характеристик самих объектов и от понимаемой в культуре «позиции ответственности» как позиции для лица или группы лиц, в социальной иерархии занимающих более высокое положение, чем субъект. Таким образом «статусный» характер русской культуры находит косвенное выражение в заполнении актантных позиций при рассматриваемых глаголах.

Ключевые слова: актантная структура; глаголы со значением ‘стыд’; грамматика «активного» типа; негативный оценочный компонент; лексика и грамматика.

Богданова Людмила Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: libogdanova1@mail.ru).

¹ В основе статьи лежит доклад, прочитанный автором на пленарном заседании Международной научной конференции «Язык. Культура. Перевод. Коммуникация», МГУ имени М.В. Ломоносова, ФИЯР, 17 ноября 2020 г. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Язык, как известно, передает человеку знание ценностей, норм мышления и социального поведения. Как особый способ концептуализации знаний о мире, он способен отражать «коллективную философию» его носителей. При этом транслятором знаний о мире может являться не только лексика, но и грамматика. Лексика и грамматика дополняют и уточняют друг друга в отражении и передаче ценностных установок культуры.

Рассмотреть проблему взаимодействия лексики и грамматики становится возможным на примере взаимообусловленности значения глагола и глагольной сочетаемости. Изучение оценочных характеристик внутри актантной рамки глагола помогает частично эксплицировать запечатленное в языке отношение человека к себе, к другим людям, к миру. Запросы практики побуждают искать новые способы представления глагола в русской грамматике. К настоящему моменту всё более очевидной становится потребность в создании грамматики для «активных» речевых действий [Милославский, 2018]. Построение грамматики «деятельностного» типа — применительно к русским глаголам — может быть основано на актантной теории [Теньер, 1988], реализующейся на уровне предикатных слов. Актантная рамка глагола — это своего рода окно в мир взаимоотношений актантов, среди которых в данном исследовании особенно значимыми оказываются субъект, объект и адресат-наблюдатель.

Семантическими признаками, обладающими объяснительной и предсказуемой силой, нередко оказываются оценочные значения, связанные с теми или иными культурными ценностями. Такого рода оценочно-ценностные значения формируют субъективный компонент семантики глагола.

Субъективный фактор оказывается особенно значимым при рассмотрении глаголов, обозначающих эмоциональное состояние, связанное с самооценкой, с отношением к себе, к своим поступкам и качествам. Самооценка предполагает два эмоциональных полюса, которые выражают положительное или отрицательное отношение к себе. Предметом анализа в настоящей работе является отрицательная самооценка, которая в целом может быть охарактеризована как недовольство собой.

Недовольство собой считаем продуктивным состоянием человека, ведущим его к самосовершенствованию, к нравственному формированию личности. Как писал Лев Толстой, «недовольство собой есть необходимое условие разумной жизни»²: только оно побуждает к работе над собой. Осознание своей неправо́ты, предсудитель-

² НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 01.11.2020).

ности своих поступков выражается отчетливее всего в таком чувстве, как *стыд*. Стыд, наряду с совестью, является внутренним нравственным регулятором поведения человека. Утрата чувства стыда связана, как правило, с ослаблением межличностных отношений, с угасанием значимости мнения коллектива, с усилением тенденции к развиту индивидуалистических настроений.

В культурной антропологии и социологии принято выделять так называемые культуры стыда, к которым относят восточные культуры (сюда же включают и некоторые славянские культуры), и «культуры вины», представленные преимущественно западными культурами, особенно протестантскими. Такое противопоставление культур во многом условно, поскольку «чувство стыда универсально», различны лишь его проявления [Гергилов, 2016: 176]. Чувства вины и стыда нередко взаимообусловлены, что подтверждает следующий пример³: *Я выпустил её, и она умчалась, а я остался с сознанием своей вины и жгучего стыда* (В.Г. Короленко).

Последнее время всё чаще можно слышать призывы психологов поднимать самооценку и даже избавляться от стыда, который стал восприниматься как фактор разъединения людей⁴. Однако стыд как феномен, ориентированный на реакцию общества, продолжает выполнять психосоциальную функцию, связанную с регулированием поведения, управления поступками. Как отмечал Л. Блумфилд, изучение языка должно стать «тем плацдармом, где наука впервые укрепит в понимании человеческих поступков и управлении ими» [цит. по: Звегинцев, 1968: 20].

Рассмотрим, как идея ‘стыда за себя перед Другими’ представлена в лексикографических источниках.

По данным этимологических словарей⁵, *стыд* (первоначально *студъ*) происходит от *студить*, *стыть*, т.е. переживание стыда метафорически осмыслялось ранее как ощущение *холода*. Значение ‘то, что заставляет сжиматься, цепенеть, коченеть’ объясняло и холод в физическом смысле, и стыд — в нравственном понимании.

Постепенно исчезающая внутренняя форма слова *стыд* говорит нам о том, что от стыда полагается *холодеть*, однако анализ материала показывает, что такое употребление не столь частотно: ... *Гусев весь холодел. Не от страха — от стыда.* (О. Дивов). Гораздо чаще говорят: *жгучий стыд, гореть, пылать от стыда*:

³ Здесь и далее примеры из НКРЯ.

⁴ Почему стыд делает нас изгоями, а совесть — объединяет? [Электронный ресурс]. URL: www.psifact.mirtesen.ru (дата обращения: 01.11.2020).

⁵ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 2. М., 1999.

На лестницу выбежал секретарь филиала и, видимо, **сгорая от стыда и смущения**, заговорил, заикаясь... (М.А. Булгаков); *Вышла тогда Вера Николаевна из редакции, пылая от стыда* (В.М. Шапко).

Таким образом, вопреки внутренней форме, от стыда становится жарко, а не холодно: *Ему было жарко от стыда* (М. Петросян).

В толковом словаре С.И. Ожегова⁶ *стыд* представлен в двух значениях: 1) 'чувство сильного смущения от сознания предосудительности поступка, вины'; 2) 'позор, бесчестье'.

В БТС⁷, помимо уже отмеченных значений, выделяется важное в ценностном понимании значение: 'чувство моральной ответственности за своё поведение, поступки'.

В словаре В.И. Даля⁸ *стыд* (*студь*) рассмотрен более детально. В первом значении это 'чувство или внутреннее сознание предосудительного, унижение, самоосуждение, раскаянье и смирение, внутренняя («нутряная») исповедь перед совестью' (1). В качестве второго значения В.И. Даль предлагает следующий синонимический ряд: *срам, позор, посрамленье, поругание, унижение в глазах людей; застыванье крови от унижительного, скорбного чувства* (2). Стыду как нравственному чувству (1) противопоставлены следующие качественные проявления: *бесстыдство, наглость, нахальство, бессовестность, разврат*. Стыду как позору и унижению (2) противостоят *почести, почёт, честь (людская), слава*.

Словарные толкования *стыда* как нравственного чувства не содержат прямых указаний на то, как это чувство оценивается обществом. Чаще всего положительная оценка стыда обнаруживает себя через отрицательную оценку противоположных качеств, таких как *бесстыдство, бессовестность, нахальство*. Особенно ярко это проявляется в отрицательной оценке людей, не способных смущаться, стесняться, стыдиться, на что указывают слова с негативным оценочным компонентом: — Конечно! — **не смутился** молодой **нахал** (Е. Сафронова). О бессовестном, наглом, игнорирующем нравственные правила человеке обычно говорят с порицанием: *Ни стыда, ни совести у него; Нет в глазах стыда у него. Стыд совсем потерял!*

Не потеряли актуальности выделяемые В.И. Далем виды стыда: прямой стыд и ложный стыд, при этом *прямой стыд* — это 'наружное проявление совести', т.е. «чувство, которое возмущается при всяком нравственном нарушении непорочности, целомудрия и за-

⁶ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2000.

⁷ БТС — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.

⁸ См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. М., 1999.

мыслов разврата», а *ложный стыд* — это ‘стыд суетности, тщеславия — досада, негодование на избличенье, на нарушение пустых или превратных светских понятий’.

Из этих толкований следует, что стыд сигнализирует о нарушении норм нравственности или установленных в обществе правил. Тем самым стыд обнаруживает эти нормы и правила, что также может быть предметом исследования.

Дефиниции слова *стыд* не включают характеристики его внешнего проявления, которые важны для понимания природы стыда. Анализ данных НКРЯ показал, что чувство стыда может иметь различные симптомы, сводящиеся к тому, что человек хочет стать незаметным, отводит взгляд, отворачивается, краснеет, стремится прервать контакт с травмирующим окружением и т.п.: *Двойник словно от стыда прикрыл лицо руками* (А. Иванов); *Он вжался ... в сиденье, весь красный от стыда и страха...* (А. Азольский); *От стыда я готов был бежать прочь* (В. Бурлак).

Интенсивность переживания стыда получила в русском языке устойчивый характер. Значение ‘испытывать сильный стыд’ выражается с помощью следующих средств: *гореть, сгорать от стыда (со стыда), умирать от стыда, провалиться сквозь землю от стыда* и др.: *Пришлось корчить из себя дурака. Чуть от стыда не умер.* (А. Геласимов); *От стыда я готов был провалиться сквозь землю* (М. Шишкин).

Анализ значения слова *стыд* позволяет предположить, что обобщенный сценарий возникновения и развития этого чувства предполагает трех участников: 1) субъект — тот, кто переживает стыд; 2) объект или причина стыда — плохой поступок субъекта или лица, близкого субъекту; 3) адресат-свидетель — лицо или группа лиц, общность, люди, которые оценивают поступки человека.

Общий компонент ‘стыд’ (разной степени интенсивности) выражается в следующих глаголах: *стыдиться, стесняться, смущаться, тушеваться, конфузиться, совеститься, краснеть* (включая их дериваты: *застыдиться, постесняться, стушеваться, сконфузиться* и др.), сюда же относятся аналитические конструкции типа *испытывать неловкость, смущение, прийти в замешательство* и др.

Негативная «внутренняя» самооценка, присущая данным глаголам, требует оформления актантной рамки следующим способом: **кто / чего (за что) / перед кем: стыдиться своих слов (за свои слова) перед кем-н.; совеститься своего поступка (за свой поступок) перед кем-н.; стесняться, смущаться, конфузиться чего-н. перед кем-н., тушеваться перед кем-н., испытывать неловкость за что-н. перед кем-н. и т.п.**

Ситуации стыда, стеснения, смущения чаще всего приводят к оформлению объектной позиции, если она оказывается необходимой, с помощью родительного падежа без предлога: *стыдиться своей внешности, стесняться своей бедности, совеститься своего поведения*. Лексическое наполнение объектной позиции позволяет обнаружить, чего именно люди стыдятся: *Он стыдился этой связи, но она была удобна* (И. Грекова); ... *он совестился про себя этой внезапно наступившей скуки жизни* (А.П. Платонов); ...[он] *не стесняется своего поражения, он посмеивается, разглядывая те проигранные Зубру схватки* (Д. Гранин).

Проанализированный материал обнаруживает связь эмоций 'стыда' и 'страха', которая проявляется на синтагматическом уровне. Стыд в своей основе воспринимается как страх отвержения обществом. Когда человек чего-то боится, он стремится отторгнуть от себя этот пугающий объект. Так и человек в состоянии стыда отчуждает от себя то, что причиняет ему мучения или дискомфорт. И в этом плане показательно, что объектная позиция и при глаголах 'страха', и при глаголах 'стыда' оформляется одинаково — с помощью родительного падежа без предлога: *опасаться инфекции / стыдиться болезни, бояться экзаменов / стесняться полноты*. Ср.: *Он не волновался, не стыдился своих недавних слёз, не страшился своей судьбы, не хотел хорошего исхода* (В. Гроссман).

Объектное значение при глаголах, описывающих эмоциональное состояние, всегда осложняется причинным значением, поэтому закономерно, что объектная позиция может быть оформлена и с помощью прямого указания на причину такого состояния: *стыдиться, смущаться, стесняться из-за чего*: *От начальника не укрылся этот её жест стыда, и он решил, что она стесняется перед ним из-за своих ложных показаний* (Фазиль Искандер).

Если речь идет о стыде за ситуацию, которую субъект способен контролировать (слова, поступки, действия), то становится возможным оформление объектной позиции с предлогом *за* (*стыдиться своих слов и стыдиться за свои слова*): *И, конечно, сконфузился за свою неловкость* (Г. Полонский).

Если в объектной позиции при глаголе представлен неотчуждаемый объект, то на употребление предлога *за* накладывается запрет. Нельзя сказать: **он стыдился за свою внешность, за свою болезнь, за свои руки, ноги и т.п.*:

Он натягивает простыню (стесняется своего большого и жирного тела)... (В. Маканин);

Сижусь перед тобой почти голая, но почему-то застеснялась именно ног, пальцев. (М. Шишкин);

... она вдруг **застыдилась** своих измазанных рук и быстро спря-
тала их за спину (Фазиль Искандер);

И моргал он ими постоянно... — будто **совестился** глаз своих
(Е.И. Замятин).

Стыд за другого человека, входящего в «личную сферу» субъекта [Апресян, 1995], за его предосудительное поведение, недостойные поступки, во многих языках получил обозначение в виде устойчивых словосочетаний или специальных лексем: *vergüenza ajena* (исп.) — в значении ‘стыд за других’; *Spanish shame* (англ.) — букв. ‘испанский стыд’ (в значении ‘смущение, стыд за другого’), *fremdschämen* (нем.) — ‘стыдиться за другого’. В русском языке, наряду со сленговым обозначением *кринж* (в американском сленге его буквальное значение: ‘съёживаться, содрогаться’), *испанский стыд* также получает распространение при обозначении стыда за слова и поступки другого человека (иногда его называют также «эмпатический стыд»). На уровне грамматики такое значение, как правило, требует оформления объектной позиции с помощью предлога **за**:

С одной стороны, ему стало стыдно за бестактный приезд сест-
мейства, стало стыдно **жгучим**, удручающим **стыдом за другого**
(А.И. Куприн);

...и **за дочь** она **застыдилась**, и своей, и колхозной захудалости
(Г.Е. Николаева).

Позиция объекта при глаголах ‘стыда’ далеко не всегда бывает востребована: причина стыда, смущения или неловкости, как правило, проясняется благодаря ситуации или вообще не требует особого пояснения: *Это было нехорошо, некрасиво. Срывался, потом страдал, **стыдился*** (Д. Гранин); *Тот, кто их записывал, **совестился**, извинялся...* (В.П. Авенариус); *Думает не о себе, а о нем. И как по-девичьи **застеснялась!*** (Л. Зорин).

Оценка субъектом самого себя, своих действий, поступков, качеств, возможна только на фоне зримого или незримого присутствия Другого. Человеку важно сравнивать себя с другими людьми, ориентироваться на мнение других. Для обозначения позиции адресата — позиции наблюдателя, «позиции ответственности» — в русском языке выработан особый способ грамматического оформления: **перед кем-н.** Ср. *отвечать за что-то перед кем-то, нести ответственность перед кем-то* и др.

Оформление этой позиции маркирует более высокий статус лица (лиц), перед которым субъект отчитывается за свои ошибки, что демонстрирует также и «статусный» характер русской культуры с высокой вертикальной дистанцией [Hofstede, 1991].

В актантной рамке глаголов 'стыда' могут быть одновременно представлены обе позиции: объекта-причины и позиция адресата-арбитра:

*Но теперь он чувствовал, что **стесняется перед дочкой своей работы*** (Д.Н. Гуцко);

*... я же не познакомил бы Штейна со своей матерью, ибо **совестился бы перед Штейном за свою мать*** (М. Агеев);

— ***Чего стыдиться? Перед кем стыдиться?*** (К. М. Станюкович).

Позиция адресата-наблюдателя сохраняется и при отсутствии объектной позиции:

*... некого было бояться и даже **не перед кем стыдиться*** (О. Павлов);

*Кажется, я теперь единственный человек, кого она почему-то не стесняется, **перед кем не конфузится**, не краснеет и не извиняется...* (Ф. Кнорре).

Позиция адресата может быть представлена метонимически в том случае, когда акцент делается не на человека как такового, а на его интеллектуальные или моральные качества: *Он полагал, что Софья **смущается перед его умом и его знаниями** и что никакой сердечной привязанности тут не может быть.* (Е.П. Карнович); *В первое мгновение этот человек **смущается перед полнотой добросовестного внимания**, ему кажется, что богатства его ума и души преувеличены, не стоят такого внимания* (Фазиль Искандер).

Позиция адресата может формально не замещаться, но семантически она всегда значима, поскольку без взгляда со стороны невозможно до конца себя понять и оценить: *И когда пришёл Михаил Михайлович, позвал посмотреть на работы, Таня **застыдилась и подозрений, и своей мелочности*** (С.Ф. Буданцев).

Примечательно, что в том случае, если отрицательная оценка полностью затрагивает субъекта, оценивающего себя самого, то субъект оценки может выполнять в актантной рамке функцию и объекта, и адресата:

*Карл Адамович пил сперва нехотя; потом... уже не переставая пил ... по целой неделе, пока, наконец, вытрезвившись, **совестился самого себя...*** (М.С. Жукова) — объект оценки;

*Да не то противно, что нашалил, — сконфузился Цахилганов **перед самим собою...*** (В.Г. Галактионова) — адресат.

Особую группу внутренней самооценки представляют собой глаголы и фразеологические глагольные единицы разной стилистической маркированности со значением 'моральной неудачи': *срамиться / осрамиться, оскандалиться, ославиться, оконфузиться, сплеховать, оплошать, опростоволоситься* (разг.), *замараться, скомпрометировать себя, ударить в грязь лицом, потерять лицо, сесть в лужу перед кем-н. и др.*

Эти глаголы, как правило, не открывают позицию для объекта негативной оценки. В позиции адресата может быть как отдельная личность, так и группа лиц, обладающих определенным социальным, семейным, интеллектуальным, моральным или гендерно значимым статусом: *Никто не хотел ударить в грязь лицом перед столичными гостями* (С.В. Ковалевская); *И вот, на пороге этого трудного будущего, в ответственный момент знакомства с красивой, смущавшей своею красотой, парадной и кокетливой дамой, — как он опозорился перед ней!* (Б. Хазанов).

Собранный материал позволяет предположить, что степень морального падения может осознаваться субъектом тем страшнее для него, чем больше было свидетелей его позора, поэтому *опозориться перед начальником*, лицом более высокого статуса, чем субъект, может оказаться для субъекта менее значительным событием, чем *опозориться перед коллегами, коллективом, перед людьми*, поскольку из множества лиц с равным субъекту социальным статусом формируется совокупность, обладающая несоизмеримо более высоким статусом, чем каждое конкретное лицо [Богданова, 2018]: *Тут только одна дума: не опозориться перед товарищами* (М. Беляев); *Все хотят быть обеспеченными, чтобы не ударить в грязь лицом перед белым светом* (Сельская новь, 2003.11.11); *Как всякого неопытного преподавателя меня угнетало сознание недостаточной подготовленности и пробелов в знаниях, и я до смерти боялся каверзных вопросов, какие бы могли меня оконфузить перед всем честным народом* (О.В. Волков).

Однако в исключительных случаях значимость одного или нескольких человек, особенно важных для субъекта, может превысить мнение коллектива, даже мнение всего общества: *И мне опозориться перед этими людьми — насмешить, стать любимцем 10 миллионов каких-нибудь, но опозориться перед Игорем Иртеньевым, моим другом — да?* (А. Клейн, В. Шендерович).

Итак, обращение к сфере самосознания личности позволило выделить группу глаголов, выражающих общую идею недовольства собой, своими поступками. Негативная самооценка характеризует семантику глаголов, включающих компонент 'стыд' (*смущаться, стесняться, конфузиться, стыдиться, совеститься*). Умение оценивать себя критически, способность стыдиться, стесняться, положительно оценивается русским социумом. Следует отметить, что в нравственной жизни человека отношение к поступкам нередко оказывается важнее самих поступков. Негативная самооценка, отраженная в семантике рассматриваемых глаголов, указывает на характер их синтагматического поведения, что косвенным образом связано с русской ментальностью в ее проекции на способ концеп-

туализации объектов. Самооценка, представленная в значении глаголов, требует для своей реализации «взгляда со стороны» — позиции адресата, понимаемой как «позиция ответственности», которая в русской культуре осмысливается как позиция для лица или группы лиц, занимающих в разных видах иерархии (социальной, семейной, интеллектуальной или моральной) более высокое положение, чем субъект.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Избранные работы: В 2 т. Т. 2. М., 1995.
2. Богданова Л.И. Культурные параметры в грамматике для речевых действий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 9–18.
3. Гергилов Р.Е. Стыд. СПб., 2016.
4. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968.
5. Милославский И.Г. О лингвистических источниках для обеспечения производства речи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 21–36.
6. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Пер. с франц. Вступ. статья и общ. ред. В.Г. Гака. М., 1988.
7. Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind. L., 1991.

Liudmila I. Bogdanova

ESTIMATES AND VALUES IN THE STRUCTURE OF VERBS WITH THE MEANING OF ‘SHAME’

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article continues the series of publications on the “active” grammar of the Russian language. The grammar of the “active” type, included in the socio-cultural context, makes it possible to identify and describe choice patterns of certain forms of actants depending on the meaning which the speaking (writing) subject aims to express. The research was conducted in the direction from the meaning of the verb to the expression form of its actant positions. This article is devoted to the role identification of the evaluative component of the meaning ‘shame’ of the verbs in the realization of syntagmatic properties within the actant structure. The purpose of the article is to demonstrate how the subject’s negative assessment of his actions affects the way of designation of verbal actants. Analysis of the actant structure of ‘shame’ verbs has shown that the evaluative component requires a special arrangement of actants, one of which is the object of evaluation, and the second designates a witness, a real or potential eyewitness to an event unpleasant for the subject. The way these positions are formalized depends on the meaning of the verb, on the characteristics of the objects themselves, and on the value attitudes of the culture. In Russian culture, the “position of responsibility” is understood as a position for a person or a group of persons who occupy a higher position in the social, family or

intellectual hierarchy than the subject. The “status” of Russian culture is indirectly reflected in verb syntagmatics.

Key words: actant structure; verbs of ‘shame’; grammar of the “active” type; negative evaluative component; vocabulary and grammar.

About the author: *Liudmila I. Bogdanova* — Dr.habil in Philology, Professor of Department of Comparative Studies of Languages; Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: libogdanova@mail.ru).

REFERENCES

1. Apresyan Yu.D. 1995. *Integral'noye opisanie yazyka I sistemnaya leksikografiya* [Integral description of the language and systemic lexicography]. In *Izbr. trudy' v dvux t. t.* Vol. 2. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury. (In Russ.)
2. Bogdanova L.I. 2019. Kul'turnyye parametry v grammatike dlya rechevykh deystviy [Cultural parameters in grammar for speech actions]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–18 (In Russ.)
3. Gergilov R.Ye. 2016. *Styd* [Shame]. Saint Petersburg, Svoyo izdatel'stvo (In Russ.)
4. Zvegintsev V.A. 1968. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics]. Moscow, Prosveshcheniye, 1968. (In Russ.)
5. Miloslavskiy I.G. 2018. O lingvisticheskikh istochnikakh dlya obespecheniya proizvodstva rechi [About linguistic sources for speech production]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 21–36 (In Russ.)
6. Tesniere L. 1988. *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [The Basics of Structural Syntax]. Moscow, Progress. (In Russ.)
7. Hofstede G. 1991. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. London, McGraw-Hill Book Company (UK) Limited.